

АРТЕФАКТ
&
ДЕТЕКТИВ

Над водами
Обводного канала
издавна тяготеет
страшное проклятие.
Каждые десять лет
злые потусторонние
силы утягивают
на дно людей.

Виктория Лисовская

Русалки
Обводного канала

Виктория Лисовская
Русалки Обводного канала
Серия «Артефакт & Детектив»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68709225
Русалки Обводного канала: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-179140-7

Аннотация

Обводной канал Санкт-Петербурга издавна имел плохую репутацию. В конце XIX века в воде стали находить пугающие фрагменты тела мужчины. Это ужасное убийство взялся расследовать известный сыщик Свистунов, а помогать ему – верная горничная Глафира... Криминальные события, потрясшие весь Петербург, находят неожиданное продолжение в XX веке, в котором главные герои узнают – их беды начались очень и очень давно...

Читайте «Артефакт&Детектив» Виктории Лисовской!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

62

Виктория Лисовская

Русалки Обводного канала

© Лисовская В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Автор настаивает, что все совпадения в книге случайны, хотя некоторые из них основаны на реальных событиях, происходивших в одном из самых мистических городов мира...

(От автора)

*В моем окне на весь квартал
Обводный царствует канал...*

(Н. Заболоцкий)

Санкт-Петербург. Октябрь 1893
г. Набережная Обводного канала

Пронизывающий холодный ветер, серый клочковатый туман – вечные спутники этого тусклого гиблого места, порядочные люди стороной обходят эту заводскую окра-

ину города. Фабричные рабочие, мастеровые, извозчики, а также бродяги, пьяницы, сумасшедшие всех мастей находят себе приют на негостеприимных склонах Обводного канала, который местные называют не иначе как Канавы.

Сегодня на Канаве близ Можайской улицы вовсю кипела работа. Судорабочие разгружали тяжелую баржу, трудились в поте лица. Вдруг внимание одного из них – крупного рыжебородого здоровяка – привлек плывущий по волнам Канавы сверток.

– Смотри, Афанасич, смотри, кажись, плывет че-то! – ткнул он локтем, заросшим рыжими волосами, своего товарища.

– Хде? – Утер пот со лба старой тряпичей высокий худой мужик.

– Да вона, смотри! – показал на сверток рыжий.

– Че-то есть! – поддакнул третий рабочий.

И вот уже все рабочие забросили баржу, пытаясь рассмотреть странную находку.

– А может, тама клад плывет?! Или еще чаво стоящего? – запрыгал на месте от нетерпения рыжий.

Афанасич с сомнением покачал головой.

– Да ну, Ванька, какой тута клад может быть? Скорее всего, котов потопили или еще чаво непотребного!

Эх, знал бы Афанасич, какого рода непотребности покоятся в этом свертке, они бы ни в жизнь его не вытащили. Но судьба распорядилась иначе, и, поднатужившись, изма-

завишись в грязной топи Обводной Канавы, рыжий Ванька все-таки вытащил из воды сверток.

Все рабочие столпились возле него, разглядывая находку.

Сверток был небольшой, несколько аршинов в ширину, завернутый в грязно-синюю тряпицу, на вес тоже не шибко тяжелый.

Ванька с осторожностью развязал его и тут же еле смог сдержать оглушительный крик. В грязно-синюю тряпицу было завернуто человеческое туловище без рук, без ног, без головы. Рыжий с горячностью выматерился, Афанасич принялся неистово креститься.

Петроград. Январь 1923 г. Набережная Обводного канала

– Как вы не понимаете, здесь нельзя строить! Это уникальный археологический объект, аналогов этому нет в мире! – Историк Латынин потряс сжатыми в кулаке очками перед лицом прораба Дубенко.

– Ты это... мне тут саботаж не разводи! У меня сроки горят! Теплотрасса для города нужна! А ты мне препятствия чинишь, мать вашу за ногу! – зарычал на него прораб.

– Но это же сенсация, важное историческое открытие, надо все изучить, исследовать! – горячо воскликнул Глеб Васильевич Латынин.

– Ой, да что ты понимаешь! Подумаешь, пару камней от-

копали, да еще кости старые! И вообще – это ваши буржуазные предрассудки! Для советского общества теплотрасса важнее, чем старые камни!

– Но это же история. Археологический объект! Нельзя же все порушить! – Глеб Васильевич устало прислонился к камням на набережной. – Нельзя так, там захоронения...

– Захоронения! А у меня план, у меня рабочие, мне на твои древние кости начхать! Тоже мне ценности, мать вашу! И вообще, история у нас началась с семнадцатого года, с Революции. Остальное – все царские прихвостни вроде тебя только надумывают. А будешь мне чинить препятствия, я заявлю на тебя куда следует, – понизив голос, прошипел на ухо Латынину прораб. – Ты понял меня?

– Но это капище, точнее захоронение одиннадцатого – двенадцатого века, скорее всего, имеет скандинавское происхождение, и вы не имеете права... – Ученый принялся внимательно разглядывать каменные плиты, которые откопали рабочие при строительстве теплотрассы. – Это уникальная находка, надо изучить эти надписи, возможно, это поможет...

– Я знаю, что тебе поможет. Василь, иди сюда. – Дубенко поманил рослого детину. – Проводи этого товарища и смотри, чтобы я его здесь и близко не видел.

– Но тут останки древних людей, это археологическая древность, – пытался протестовать Латынин, пока его отволакивали от вырытого раскопа.

– Там древние люди, они давно мертвы, а мне живых кормить надо и план выполнить, – заорал на него Дубенко, прибавив несколько ярких матерных выражений. – И вообще, глядь сюда, профессура. – Прораб вскочил на центральный камень, весь испещренный загадочными символами, и принялся танцевать на нем чечетку. Под звучный смех рабочих он принялся подкидывать в руках гладкий череп с бездонными провалами глазниц, под конец пнул его ногой, зафутболив в воды канала. Как только череп коснулся воды, небо над каналом почернело, яркая вспышка озарила небо, и все присутствующие невольно поежились.

Глеб Латынин с ужасом наблюдал, как новая красная школа обращается с уникальными историческими находками. А Игнат Дубенко почернел лицом, ему на секунду показалось, что, прежде чем череп долетел до вод Обводного канала, он послал ему ослепительную улыбку, и даже, казалось бы, слышался громкий жуткий хохот.

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г. Меблированные комнаты на реке Мойке

– Глашенька, любезная вы моя, далече ли завтрак мой? – Аристарх Венедиктович с тоской и обреченностью в глазах заглянул на кухню, где вовсю шли приготовления к трапезе. – Ну, рябчиков что-то дюже захотелось или хоть буженинки томленной! – поднял на служанку глаза господин Свистунов.

Глафира, колдовавшая над плитой, недовольно кивнула хозяйину.

– Аристарх Венедиктович, побойтесь бога, вам же доктор Аркадий Семенович предельно ясно сказал, все объяснил, вам нельзя никаких рябчиков, тем более буженины! – всплеснула она руками. – У вас сердце слабое, доктор вас на специальный рацион посадил. Кашку манную я вам сварила, – схватилась она за тарелку.

– Ну Глашенька, ну какая кашка! Что ты в самом деле! – надулся Свистунов. – На манке у меня сердце само не выдержит, – капризно надул он губы.

– Аркадий Семенович крепко-накрепко приказал мне не поддаваться на ваши просьбы и провокации, это же ради вашего здоровья, Аристарх Венедиктович. – Глаша положила кашу в тарелку, но, увидев умоляющий взгляд хозяйина, добавила кусочек сливочного масла.

– Аркадий Семенович приказал, – передразнил он горничную. – Вообще-то я твой хозяин, а не доктор Бодрин, – вяло ковыряясь в каше, добавил Свистунов. – Вот помру я от каши манной, вам всем стыдно будет!

– От моей каши еще никто не умирал, а доктор Бодрин сказал, что вам обязательно нужно скинуть... ммм... ну несколько фунтов точно, – критически оценила дородную фигуру Свистунова Глафира.

Честно говоря, Аристарху Венедиктовичу следовало бы скинуть гораздо больше, чем несколько фунтов, но оби-

жрать хозяина Глафира совсем не хотела. Несмотря на все их трения, Свистунов в глубине души был неплохим человеком.

– Не ценишь ты меня, Глашка. – Свистунов намазывал огромным куском масла белый рассыпчатый хлеб. – И доктор твой Бодрин тоже меня не ценит.

Глаша неодобрительно покачала головой, рассматривая толстенный бутерброд с жирным маслом, но не отбирать же его силой у хозяина.

– Доктор Бодрин совсем не мой – это во-первых, а во-вторых, Аристарх Венедиктович, вы сами вспомните, как вам плохо стало на прошлой неделе, как сердечко прихватило. Аркадий Семенович сказал, это из-за того, что слишком много жирного и сладкого вы едите.

– Ой, много понимает твой Аркадий Семенович, мне плохо стало из-за прошлого расследования, а мне для важной мыслительной работы сладкое позарез нужно. – Свистунов показал жест ножом по горлу. – Сахар активизирует работу мозга вообще-то, но ты, милая, об этом не знаешь, научных журналов не читаешь, просвещаться не желаешь, только с кастрюлями тут топчешься, да еще меня, меня – самого лучшего сыщика Санкт-Петербурга – куском хлеба... с маслом... попрекаешь, – откусывая огромный кусок бутерброда, заедая все манной кашей, заявил Свистунов.

– Я? Попрекаю? – Глафира аж опешила от несправедливых обвинений. – Да как вы можете? Да ни в жизнь! Да я! –

Она закрывала и открывала рот от удивления.

«Вот и помогай после того этому толстому увальню!» – подумала горничная.

– И вообще, Глашенька, подай мне медицинский справочник с верхней полки, да-да, этот. Вот послушай и запомни, может, еще в жизни пригодится: «Причины остановки сердца и болезней сердца являются сердечная недостаточность, пороки сердца, различные виды аритмии, кардиомиопатии (поражения сердечной мышцы), а также хронический алкоголизм или употребление наркотических или лекарственных средств». Запомнила, Глаша? Про сладкое и жирное тут ничего не сказано! Вот так! – Поднял он вверх пухлый палец.

Глафира улыбнулась и покачала головой.

Аристарх Венедиктович отложил медицинский справочник, поерзал на месте, потом с трудом поднял свои внушительные тела и полез в угловой буфет, где хранились продукты, достал большой шматок сала и, даже не разрезая его, впился в него зубами.

Глафира только хлопала глазами. Вот и первый день рациона здоровья – сало с жирным маслом, зря она тут манку варила все утро!

Она открыла рот, чтобы напомнить заветы кардиолога, но сказать ничего не успела – дверной колокольчик оповестил о прибывшем госте.

– Глашенька, ты кого-то ждешь? – приглаживая заляпанные маслом усы, спросил Свистунов.

Девушка отрицательно покачала головой.

– Тогда это, наверное, клиенты. Веди их сразу в мой кабинет, а я сейчас подойду, – догрызая кусок сала, заявил самый лучший сыщик Санкт-Петербурга.

Глафира кивнула и отправилась открывать дверь.

Петроград. Октябрь 1923 г. Набережная Обводного канала. Близ Боровского моста

– Что им, дуракам таким, топиться, что ли, больше негде? – ворчал милиционер Спицын, вынужденный патрулировать выделенный ему участок моста.

– Значит, негде, – кивнул озябший напарник, младший сержант Александр Ильин.

– Знаешь, Сашка, я вот действительно не понимаю, почему именно на этой набережной у самоубийц со всего Петрограда свет клином сошелся. Зачем ехать с другого конца города, чтобы именно здесь утопиться? – вполголоса размышлял Спицын.

– Георгий Палыч, я слышал, что тут вообще место нехорошее, проклятое, и потому самоубийц так сюда тянет, – плотнее закутался в шинель сержант.

– Ясное дело, нехорошее. Тут за полгода больше семидесяти человек в речку попрыгали, вот же ж. Наше отделение скоро за плохие показатели лишится Красного Знамени. Нет, блин, козлы такие, не в Мойку, не в Фонтанку, все сюда

бегут топиться! – ругался Спицын.

– Семьдесят человек – это же много, – покачал чубатой головой Ильин.

– Конечно, много, причем это только официальные данные, а сколько их тут на дне неучтенных лежит, это мы никогда не узнаем. – Капитан закурил папиросу. – Ты слышал, Сашок, в прошлую смену наш Степан Сергеич и Олег Палыч даже одному такому самоубивце накостыляли по шее. Чтобы это... не в их смену топился. Вот что такое делается!

Сашка неопределенно кивнул, не нравилось ему это место, совсем не нравилось. И предчувствие какое-то странное. Но тут внимание парня привлек высокий человек в темном плаще, медленно бредущий по мосту. Его качало из стороны в сторону, но на пьяного он не был похож, выглядел так, как будто кто-то невидимый тащит его силой по набережной.

– Ой, смотрите, Георгий Палыч, кажись, идет кто-то, вон к мосту, наклоняется вроде. Наш клиент! Топиться хочет! – закричал младший сержант.

– Беги, Сашка! Беги! Лови его!

Милиционеры побежали к темной фигуре, склонившейся к перилам Боровского моста. Еще бы секунда, и человек полетел в пропасть, но младший сержант Ильин оказался быстрее, в последний миг он налетел на неудавшегося самоубийцу, накрыл его своим телом и пытался удержать его брыкающиеся конечности.

– Георгий Палыч, я поймал, держу!

– Молодец, Сашка. Я о тебе в рапорте напишу, держи его! – запыхавшийся Спицын подбежал к молодому напарнику. – Товарищ, что это вы тут делаете?

– Что? Кто? Я?! Вы кто? Встаньте с меня! – Глаза мужчины наконец-то приняли осмысленное выражение. – Вы вообще кто и по какому праву... – осоловело мотал он головой.

– Как ваша фамилия, товарищ? – отряхнул мокрую шинель Спицын.

– Да я на вас жаловаться буду, вы знаете, кто я такой! Да я в ЦК партии, да я лично с товарищем Ждановым знаком! – Мужчина с трудом встал с мокрого тротуара, с удивлением разглядывая милиционеров. Казалось, он на самом деле не понимает, как он здесь очутился и что с ним произошло. – Я на вас точно жаловаться буду за самоуправство, – проворчал он.

– Вы зачем в речку прыгали? Мы вас спасли вообще-то, – немного обиженно протянул младший сержант Ильин. – А он сразу жаловаться.

– Еще раз повторяю, ваша фамилия? – повысил голос капитан Спицын.

– Вот мои документы, меня зовут Игнатий Степанович Семибогатов. – Мужчина полез в карман плаща за бумагами.

– И зачем же вы, Игнатий Степанович, с моста прыгать решили? Чем наша советская жизнь вас не устраивает, что вы хотели с ней покончить? – изучая документы, спросил Георгий Павлович.

– Меня? Не устраивает? Да вы что, товарищи! Да как вы можете! У меня важный пост в ЦК, жена-красавица, квартира на проспекте Октября, чего это я с моста прыгать буду! Меня моя жизнь вполне устраивает! – с вызовом произнес Семибогатов.

– Так мы вас еле спасли, еще чуток – и вы бы в воде оказались, в Обводном, – кивнул на мост сержант.

– Вам показалось, я никуда не прыгал и не собираюсь. Глуposti какие!

Младший сержант Ильин вспомнил, с каким странным выражением лица мужчина буквально пару минут назад с пеной у рта дрыгался тут на набережной, и только чудо в лице младшего сержанта Александра Гавриловича Ильина спасло его от неминуемой гибели. Вспомнил милиционер и странный зеленоватый туман, клубившийся над водой. Однако, судя по всему, сам Семибогатов ничего этого не помнил.

– Но вы же... – У Александра даже не нашлось слов, но старший по званию перебил его:

– Так, все понятно. – Спицын вернул документы потерпевшему. – Игнатий Степанович, вам придется пройти с нами, написать объяснительную, что вы делали в этот час на набережной Обводного канала и что вас побудило прыгать с моста, – твердо припечатал капитан.

– Но я не прыгал, мне незачем это делать, – заныл Игнатий Степанович.

– Пройдемте-пройдемте, в отделении разберемся, – веж-

ливо подхватил его под белые ручки младший сержант Ильин.

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г. Меблированные комнаты на реке Мойке

На крыльце дома как мраморные статуи застыли две дамы: одна в длинном двубортном плаще и светлой шляпе с огромными полями, почти полностью закрывающими лицо, другая одета попроще, можно даже сказать, бедно, весьма бедно одета – замызганный тулупчик, темный платок, накинутый на плечи. Но она не выглядела как служанка первой дамы, было видно, что обе прибыли вместе, на одинаковых условиях.

Глафира поклонилась в дверях и поинтересовалась целью визита.

– Здесь проживает сыщик Свистунов? – приподняла полы шляпы высокая дама. Та, что в тулупчике, неопределенно хмыкнула носом.

– Да, здесь проживают, вы договаривались о встрече?

– Нет, но я... – начала высокая, но девушка в платочке вдруг резко опустилась на землю, прямо на грязную мостовую, и зарыдала, обращаясь к Глаше:

– Девушка, милая, не гоните нас, пусть твой хозяин примет, очень прошу, Христом Богом молю, – заголосила она, пытаясь схватить Глафиру за руку.

Та попыталась поднять с земли девушку, и вместе с вы-

сокой дамой им удалось это сделать.

– Хорошо-хорошо, не плачьте, Аристарх Венедиктович примет вас, обязательно примет, – отряхивая ее еще больше запачканный тулупчик, приговаривала Глафира. Ей было очень жаль гостью, видно было, у нее что-то серьезное случилось.

– Анфиса, не дури, не позорь нас, – громко зашипела девушке на ухо высокая дама.

Та сразу сникла, опустила глаза в пол.

Глафира обратила внимание, что Анфиса была хоть и бледна и необычайно худа, но весьма миловидна, а если ее хорошо приодеть и причесать, то выглядела бы красавицей, чем разительно отличалась от своей подруги. Та обладала черными, колючими, торчащими во все стороны волосами, которые не могла обуздать даже дорогая шляпка, длинным носом, глазами навывкате и тонкими поджатými губами.

Постоянно кланяясь, Анфиса во весь голос рыдала, но все же с трудом ее завели в кабинет Аристарха Венедиктовича. Глафира предложила гостям присесть на диванчик и подождать сыщика, который появился вскоре, как сытый кот, облизываясь на ходу.

«Значит, буженину он тоже отыскал. Сыщик же!» – подумала про себя Глаша.

– Дамы, доброе утро. Я Аристарх Венедиктович Свистунов – лучший сыщик Санкт-Петербурга и окрестностей. Что вас привело ко мне? – усаживаясь на мягкое кожаное

кресло и благосклонно улыбаясь, спросил хозяин.

«Стоит ему поест, как настроение улучшается!» – сделала для себя вывод Глафира.

Только увидев детектива, Анфиса снова грохнулась на-земь и залилась горячими слезами, чем весьма смутила Аристарха Венедиктовича. От неожиданности его лицо вытянулось, и он топтался возле девушки, не зная, что предпринять в такой ситуации.

Анфиса билась лбом об пол и голосила, моля Свистунова помочь ей, спасти ее, спасти ее деток малолетних. Рядом скакала высокая дама, путаясь в длинной юбке, пыталась поднять с ковра рыдающую подругу.

Свистунов глубоко вздохнул, вытащил из кармана стуртука служебный свисток и со всех сил дунул в него. Оглушающий звук мгновенно отрезвил всю компанию. На секунду наступила долгожданная тишина.

– Дамы, немедленно все успокойтесь, присаживайтесь на диван и наконец-то расскажите, кто вы такие и что вам от меня надобно, – повысил голос Свистунов.

Женщины как по команде шлепнулись на диванчик.

Лицо Анфисы снова скривилось в гримасе горести, но Аристарх Венедиктович покачал головой, насупил брови.

– Если вы снова будете тут юродствовать и выть, аки собаки бешеные, я попрошу вас удалиться! – пригрозил он.

Анфиса мгновенно затихла, спрятала красное заплаканное лицо в темный платок и застыла, боясь даже дышать.

Дама в шляпке вытащила из сумочки металлическую флягу и передала подруге.

– Вот, Фиска, выпей чаек, успокойся, не реви тут! – припечатала она, а потом глухим резким голосом обратилась к сыщику: – Аристарх Венедиктович, простите, ради бога, мою подругу. Анфиса тяжело переживает личную трагедию и не может себя контролировать. Мы вас с трудом нашли, очень хотели бы...

Но Аристарх Венедиктович перебил ее пламенную речь, с неудовольствием разглядывая бедный наряд посетительниц:

– Извините меня, не знаю вас по имени-отчеству, но я вам, к сожалению, помочь не могу, мои услуги стоят весьма дорого, – покосился он на драный тулупчик и грязные сапожки Анфисы. – Ко мне обращаются такие важные люди. И детективной благотворительностью я не занимаюсь, бесплатно не работаю. Извините еще раз и до свидания! – сказал он как припечатал.

Быстро взглянул на тоже замершую на месте Глафиру. Дескать, кого ты в дом привела?

Анфиса при этих словах сделала большой глоток из фляги, скривилась, еще пуще побледнела, прижала руки к груди, затряслась, но удивительно спокойно достала из кармана драного тулупа грязную тряпицу, развязала ее. Господин Свистунов с трудом сдержал возглас удивления – на грязной ладошке девушки лежала красивая брошь, украшенная

драгоценными камнями. То, что это были не стекляшки, а драгоценности, было понятно сразу, изумруды и сапфиры, расположенные по краям броши, были столь ослепительны и безупречны, что не поверить в их истинность было невозможно.

– Что это? – с трудом оторвал взгляд от подобного чуда Аристарх Венедиктович.

– Вы не думайте, что мы так... просто так... обращаемся, – шмыгнула носом Анфиса. – Мне Аринка, – кивнула она на высокую даму, – рассказала, что вы дорого за прием берете. – Она сделала еще глоток чая. – Так я... это... эта фамильная брошь у нас в семье из поколения в поколение передавалась... она дорожущая сильно... Чес-слово, дорожущая, – прижала она руки к груди, – я узнавала. Так вот... я ее вам отдам, только помогите в моем деле... – Снова слезы скатились по щеке. – Мне бабка моя, она из благородных была, завещала, что когда прямо беда придет в мой дом, то тогда брошка мне поможет. Брошь ваша за работу, только спасите меня и деток малых, – зарыдала девушка, протягивая същичку драгоценность.

Двумя пальцами, словно невиданное насекомое, Аристарх Венедиктович принял брошь, вытащил из ящичка письменного стола лупу и принялся сосредоточенно разглядывать украшение.

Гости застыли на месте, боясь даже дышать.

Через несколько минут, налюбовавшись на сокровище,

Свистунов вынес свой вердикт:

– Хорошо, дамы, я вас слушаю. Как я могу вам помочь?

Что у вас произошло?

Арина в широкополой шляпке плотоядно улыбнулась, но быстро ответила:

– Анфисе нашей грозит каторга за жестокое убийство и расчленение родного мужа. Просим вас доказать, что она этого не делала.

– Не губите живую душу, у меня четверо деток маленьких! – Анфиса снова грохнулась на ковер.

***Петроград. Октябрь 1923 г.
Городская Барачная больница***

Младший сержант Ильин устало смахнул пот со лба. Почти через весь город добирался он сюда, таща за собой Игнатия Семибогатова. После плодотворной беседы в отделении решено было отвести Игнатия Степановича сюда – в городскую Барачную больницу, так как член партии, лично знакомый с самим товарищем Ждановым, первым секретарем Петроградского обкома и горкома ВКП(б), не мог объяснить, с чего он вдруг решил искупаться в холодных водах Обводного канала в октябре месяце. Он совсем не помнил ничего до того момента, как на него накинулся милиционер Александр Ильин. Хватался за голову, нес какую-то чушь про зеленоватый туман и голоса в голове. По единоличному

решению майора Хвостова было приказано отправить Игнатия Степановича в городскую больницу, показать его врачам, чтобы те разобрались в хитросплетениях его затуманенного сознания.

Конечно, подобную операцию по перевозке пострадавшего в больницу доверили самому молодому сотруднику – младшему сержанту Ильину, и, хоть всю дорогу Саша с недоверием и сомнением косился на немного чокнутого Семибогатова, тот вел себя примерно, только иногда что-то бормотал себе под нос, недовольно косясь на милиционера.

– Молодой человек, я все-таки буду на вас жаловаться, – снова, уже в двадцатый раз, устало повторил Игнатий Степанович. – Вы зачем меня сюда притащили?

– Затем, – вяло огрызнулся Александр. – Начальство приказало, вот и притащил. Пусть доктор вас проверит, ну, голову там... или еще чаво?

– А что с моей головой? – испуганно ойкнул партийный работник.

– Вот доктор вам и скажет, что с вами. Пойдемте-пойдемте, – буквально силой тащил его младший сержант.

В приемном покое их попросили подождать, и через пару минут к ним буквально выбежал низенький старичок с гладкой лысой головой, на которой смешно топорщилась белая медицинская шапочка.

– Вы ко мне, молодой человек? Я вас уже давно жду. Доктор Ефимов Иван Данилович собственной персоной, – чин-

но представился он. – Полчаса назад из вашего отделения звонили. Проходите-проходите. Любочка, оформи медкарту товарищу.

Любочка, молоденькая черноволосая сестричка, быстро заполнила необходимые документы. Ефимов завел в свой кабинет мгновенно успокоившегося Семибогатова, и младший сержант уже готов был под шумок сбежать из Боткинских барачков – запах медикаментов и нечеловеческой боли просто витал в воздухе, проникал в каждую клеточку тела, – но тут медсестра Любочка его удивила.

– Что, и этого тоже с Обводного выловили? Сейчас начнет про русалок сказки сочинять и про зеленый туман! – лукаво ухмыльнулась девушка.

– Про кого? Какие такие русалки? – Саша нахмурился. Он сам прекрасно помнил зеленоватый туман, который клубился над водой Обводного канала.

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г. Сыскная полиция

Ротмистра Казимира Евграфьевича Жилина весьма заинтересовала пугающая находка в Обводном канале. Мужское туловище без рук, ног и головы сразу было передано в прозекторскую Обуховской больницы. Может быть, по останкам тела удастся установить личность убитого. Но места в районе Канавы были беспокойные. Грабежи, разбои,

пьяные драки случались на берегах канала постоянно, но ранее никогда из воды не доставали такие пугающие фрагменты тел.

Казимир Евграфьевич задумался: много лет он занимал свой пост, всегда об Обводном шла нелестная слава, но если какой лиходимец задумал тепереча здесь людей четвертовать и в канал скидывать, то что же далее будет? Вон уже и вездесущие газетчики постарались, раскопали сенсацию.

На первой странице «Петербургского листка» красовалась огромная статья, где журналисты дали волю своей незаурядной фантазии и всю строили гипотезы, кем при жизни был «петербургский чурбанчик», как нелестно окрестили останки тела газетчики. А далее Самописцев Л. В., автор статьи, рассуждает о связи этого убийства с жутким делом Джека-потрошителя, деяния которого захлестнули Лондон.

«Мог ли серийный убийца с туманного Альбиона перебраться в нашу Северную столицу?» – спрашивает у своих читателей Самописцев Л. В. и продолжает задавать убийственные вопросы: «Когда же ждать новую жертву?»

Отбросив, как ядовитую змею, «Петербургский листок», Казимир Евграфьевич забарабанил пальцами по столу, раздумывая над следующими сыскными действиями.

Судовых рабочих, нашедших сверток, допросили в тот же день. Никто ничего не видел, не слышал, фрагменты тела ранее не видали, и, кому они принадлежат, рабочие не зна-

ют.

Сразу же были отправлены филеры и шпики, чтобы те обшарили оба берега Обводного канала, опросили тамошнюю полицию и нашли случайных свидетелей. Но и здесь ничего толкового не было обнаружено.

Ротмистр Жилин провел заседание сотрудников сыскного отдела, чтобы те проверили все ночлежные дома, трактиры, дома терпимости, чайные, послушали, что говорят местные, может, кто-то был свидетелем всякого рода непотребства. Были проведены облавы во всех значных района города. Семенцы, Сенная площадь, Ямские слободы, Апраксашка – всех подняли на ноги, задержали более сотни подозрительных субъектов, по горячим следам раскрыли несколько мелких и средних правонарушений, но убийцу «чурбанчика» не нашли.

Казимир Евграфьевич тяжело вздохнул: как бы это дело не перекочевало в разряд нераскрытых... Но тут без стука в кабинет влетел, на ходу пытаясь отдышаться, капитан Железнов.

– Казимир Евграфьевич, там это... – тяжело дыша, начал он.

– Что это? – вскинул брови начальник. – Не томи!

– Там это... на Финке... на южной стороне... в воде голову нашли! – выпалил Семен Железнов.

– Голову? Какую еще голову?! – взъярился Жилин.

– Ту самую голову, судмедэксперты говорят, что голова

как раз отлично подходит к нашему «чурбанчику»! – глухим голосом ответил Железнов.

Казимир Евграфьевич подскочил со стула и вцепился в свою собственную голову – страшная мозаика начала складываться!

***Петроград. Октябрь 1923 г.
Городская Барачная больница***

– Итак, мил человек, рассказывайте. Я вас внимательно слушаю, – усадив пациента в удобное кресло, а сам расположившись рядом, попросил доктор Иван Данилович Ефимов.

– А что рассказывать-то? – набычившись, уставился исподлобья на эскулапа Игнатий Семибогатов.

– Рассказывайте с самого начала, что вы делали на Обводном канале?

– Я шел по своим делам: Люсенька, жена моя, просила сегодня зайти к модистке, оплатить материал на какую-то там тряпку модную. Не помню я, что конкретно, – устало потер виски Игнатий. – Но я немного заплутал, ту часть города я совсем не знаю, какие-то закоулки, переулки, черт ногу сломит.

– Нет, про черта тут не надо, – неопределенно покачал головой доктор. – А далее что?

– А далее... – Игнатий Степанович задумался, внимательно разглядывая цветной ковер на полу в кабинете доктора. –

А далее... я не помню, – наконец ответил он, пожав плечами.

– Совсем ничего не помните? – обнадеживающе обратился к нему Иван Данилович.

– Помню, что оказался на мосту... Ну, на Боровском мосту, мне потом милиционеры объяснили, как он называется. Потом у меня сразу голова заболела, такой, знаете, шум в ушах... – принялся припоминать Семибогатов.

– А раньше у вас так же голова болела? Вы наблюдаетесь у другого доктора?

– Нет, со здоровьем, тьфу-тьфу, не было ранее проблем, – отрицательно замотал головой Игнатий Степанович.

– А сейчас как вы себя чувствуете? Что-то болит? – Доктор Ефимов подошел к пациенту, принялся проверять его пульс и заглядывать в глаза.

– Да нет, сейчас все нормально.

– Хорошо, вспоминайте далее – у вас заболела голова, шум в ушах. Я вас внимательно слушаю.

Семибогатов поерзал на месте, побледнел, снова отрицательно покачал головой.

– Больше ничего не помню! Точно, не помню! – с вымученной улыбкой ответил он.

Доктор встал с места и принялся ходить кругами по кабинету, сложив пухленькие ручки за спиной.

– Вы сейчас меня обманываете, Игнатий Степанович, – не поворачиваясь к пациенту, сообщил он.

При этих словах Семибогатов снова мертвенно поблед-

нел.

– Если вы не сказали всей правды милиционерам, это не значит, что вы должны обманывать и меня здесь.

– Я не понимаю, о чем вы... – еле слышным голосом зашептал Игнатий Степанович. – Вы знаете, кто я? Да я...

Иван Данилович снова сел на свое место и принялся внимательно разглядывать пациента, он долго молча смотрел на него, Семибогатов прятал глаза и ерзал на месте. Наконец доктор тяжело вздохнул и продолжил:

– Я прекрасно знаю, кто вы такой, Игнатий Степанович. Мне уже об этом сообщили. Хорошо, давайте сделаем так, я не буду вас пытаться – если вы ничего не помните, если у вас провалы в памяти, то придется положить вас в наше психиатрическое отделение, полежите пару неделек, попьете таблеток, поделаем вам укольчики, – спокойно ответил он.

– А без этого никак? – вспыхнули щеки у Семибогатова.

– Без этого никак, придется еще на вашу работу сообщить, в ЦК партии. Я не могу скрывать от советского правительства, что в ЦК работает товарищ с провалами памяти, а вдруг вам хуже станет на работе? Нет, без уколов тут никак!

– Но я... Мне уже лучше, я хорошо себя чувствую! – подпрыгнул с места Игнатий Степанович.

– Присядьте, пожалуйста, не заставляйте меня принимать меры, – твердо заявил доктор.

Семибогатов снова плюхнулся на стул.

– Если вы сейчас хорошо себя чувствуете, это не значит,

что завтра с вами приступ не случится. А шоковая терапия хорошо лечит подобные состояния. У нас в третьем психиатрическом отделении никто не жалуется, – сложил руки на животе доктор Ефимов.

Семибогатов вздохнул:

– Хорошо, я вас понял. Что вы хотите от меня?

– Только одно, чтобы вы рассказали мне правду! Что вы там увидели? В водах Обводного? Что вам говорили голоса в голове? – Доктор подался вперед.

– Если вам я скажу правду, меня действительно в психушку упрячуте, – недовольно буркнул пациент Семибогатов.

– Во-первых, я и так практически знаю, о чем вы мне расскажете. – Доктор достал из ящика стола коричневую папку с бумагами. – Вот, здесь свидетельства всех выловленных из Обводного самоубийц. Тех, кому повезло. И кто выжил, увидев бездну. Ваш рассказ будет одним из десятка.

Лицо Игнатия Степановича вытянулось.

– Да-да, и про бездну, и про зеленый туман, и про русалок я уже слышал не раз.

Семибогатов сглотнул, а потом тихо спросил:

– Если я вам расскажу правду, вы на работу сообщать не будете? Меня из партии не попрут?

– Если вы расскажете мне правду, которую я и так приблизительно знаю, ваши бумаги будут в этой папочке. Я вам выпишу обезболивающее для головы, и придется вам в течение недели походить ко мне на прием – для разговоров. Но-

вый метод психиатрии – австрийский психоанализ, – блеснул очками доктор Ефимов.

Семибогатов кивнул.

– И, самое главное, никогда больше не приближайтесь к набережной Обводного канала, особенно в вечернее время.

Семибогатов снова кивнул.

– Итак, что вы там увидели? На дне бездны?

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г. Меблированные комнаты на реке Мойке

После слов Арины Витальевны в кабинете повисла тишина. Сыщик Свистунов перестал разглядывать драгоценную старинную брошь и впервые с удивлением, но больше с еле скрываемым раздражением впился глазами в новоприобретенных клиенток.

– Попрошу вас изъясниться, дамы. Какая еще каторга? За какие такие преступления вам каторга светит, уважаемая... мм... Анфиса... не знаю, как по батюшке... – потер усы Аристарх Венедиктович.

– Анфиса Семеновна Савицкая, – не поднимая глаз, ответила девушка, шмыгнув носом, – и Арина Витальевна Калашиникова, это моя подруга, – кивнула она на высокую даму, – она вам правду сказала, мне в скором будущем грозит каторга. Но я мужа не убивала, Христом Богом молю, – опять начала она, но Свистунов довольно грубо ее перебил:

– Так, это я уже слышал. Если хотите, чтобы я вам помог, то с самого начала, не рыдая, не воя, не валяясь в ногах, все мне нормально расскажите. – При этих словах он обращался больше к Арине Витальевне, видя в ней более адекватного персонажа. – И вообще, если вас ждет суд, то советую за эти деньги лучше нанять хорошего адвоката, я вам могу посоветовать...

Арина Калашиникова резко поднялась с кресла:

– Вот, и я ей то же самое говорю. Адвокат этой дуручке нужен, а она вбила себе в голову, что если вы найдете настоящего преступника, то с нее все обвинения снимут. Про вас в городе много хорошего говорят, вот мы к вам и пришли, – зачастила она.

Савицкая только кивала со своего места, печально размазывая слезы по щекам.

– Так, понятно. Давайте с самого начала – кто у вас муж, когда и как его убили и почему обвиняют в его гибели Анфису Семеновну? – важно подбоченившись, спросил Свиштунов.

Арина кивнула, полезла в сумочку и вытащила на свет газетный листок с обведенной красным карандашом статьей.

– Вот, почитайте, полюбуйтесь! – положила она газету перед Свиштуновым.

Тот снова солидно кивнул, нацепил на нос круглые очки для чтения и углубился в статью.

– Так-с... «Петербургский листок»... Занятно... весьма

занятно... ммм... чурбанчик... Однако ж... А вот и продолжение статьи... Еще найдены голова и отрубленные ступни ног... В разных частях Обводного канала... Занятно...

Прочитав газетную заметку, Аристарх Венедиктович медленно и вальяжно принялся постукивать карандашом по столешнице, дамы сидели молча на своих местах. Наконец-то он оторвался от своих размышлений и обратился к Анфисе Семеновне:

– Я так понимаю, что найденные в Обводном канале фрагменты тела принадлежат вашему супругу? Как его звали?

– Остап, – прошептала онемевшими губами Анфиса. – Остап Савицкий, мы проживали на набережной Обводного канала, в девяносто первом доме, там у нас комнатка есть, с детками маленькими живем... жили то есть...

– Когда вы видели своего мужа в последний раз живым? И расскажите о ваших с ним отношениях!

– Отношения, если честно, у нас были не очень. – Анфиса Семеновна задрала рукав тулупчика и показала череду синяков на руке. – Муж был очень груб, вспыльчив, мог и приложить меня. Хотя, знаете, когда мы только познакомились, то был очень хороший, добрый, а потом резко изменился, стал к бутылке прикладываться и меня обижать!

– Говори правду, Анфиса, как на исповеди, – влезла в разговор Арина Калашиникова. – Дурак он был, тупица и пьяни-

ца буйный. Постоянно и Фиску избивал, и деток, никакой управы на него не было. Один раз по пьяни чуть не зашиб девоньку их, Марфу годовалую, так кнутом отходил, Фиска вон тоже на коленях стояла, дитяtko защищала. ДрянЬ был, а не человек. Остап этот пройдоха, – в сердцах сплюнула она.

Анфиса молча сидела, боясь поднять глаза на сыщика.

– Так зачем же вы за него пошли, если он такой буйный был? Почему не ушли от него? – от души удивился Аристарх Венедиктович.

Анфиса изумленно уставилась на него, Калашникова громко расхохоталась, а Глафира, подслушивающая у двери, схватилась за голову: какой же дурак иногда у нее бывает хозяин!

Отсмеявшись, Арина ответила:

– Вы изволите шутить? Куда ж она уйдет-то, кто ее отпустит? Вы что, не знаете, как простые русские бабы у нас живут? От постылого мужа, который и пьет, и бьет, есть только одна дорога!

– Куда? – снова глупо переспросил Свистунов.

– На кладбище одна дорога, – грубо ответила Арина Витальевна. – Или, если повезет, то можно вдовой стать. Так Остап, чтоб его черти там жарили, и с того света Фиске житья не дает! Тоже жизнь портит!

– Как это?

– А вот как! Анфису за убийство посадить могут!

– Это не я, не я! – затряслась на своем месте Анфиса.

– Так, опять мочало – начинай с начала! Как ваш Остап оказался в Обводном канале, кто его разрубил на куски и почему Анфису Семеновну подозревают? Я опять ничего не понимаю, – жалобно протянул същик Свистунов.

– Остап две недели дома не появлялся, в первых числах октября ушел в трактир на Можайке, а оттуда не вернулся. Места у нас на Обводке лихие, страшные люди живут, за полушку убить могут. Думали, подрался с кем или, может, в арестантской пьяный сидит, – принялась объяснять Арина.

– А потом бабы начали шушукаться, что в Канаве труп выловили без головы, а потом голову на Финском заливе, на Финке, нашли. Ну, что в Обуховской больнице, в покойничкой, опознание проводят, может, кто своего пропавшего найдет. Я боялася одна идти, мы с Аринкой в Обуховскую пошли. Я мертвецов страх как боюся. А тут, смотрю, это Остапка мой, точно, лежит, и шрам на ноге левой, и морда тоже его, хотя такая образина стала... – в слезах уточнила Анфиса.

– То есть вы этот труп, «чурбанчик», опознали? – переспросил Аристарх Венедиктович.

– Опознала, документы все подписала, что надо было, в сыскной меня долго спрашивали, что да как. Как на духу все рассказала, и про трактир, и про Можайку, и что товарищ у него там был, Степка Коновал с Ямской улицы, что он с

ним по трактирам ходил, пьянствовал.

– А дальше что было?

– А дальше – пару дней назад к Анфисе домой с обыском нагрянули, весь дом перевернули, деток напугали, – ответила за подругу Арина.

– А что искали? Не сказали?

– Сказать не сказали, но, судя по тому, как полы и половики рассматривали, то искали, скорее всего, пятна крови. Может, думали, что убивали и расчленили Остапку в квартире? Вот страх какой. – Арина Витальевна торопливо перекрестилась.

– Нашли чего? – Аристарх Венедиктович записывал информацию в свой блокнот.

– Чаво нашли – не сказали! – со своего места сказала Анфиса.

– Ну, так чего вам бояться каторги? – удивился Аристарх Венедиктович. – Если вы мужа не убивали, а при обыске ничего компрометирующего вас не найдено, то опасаться вам нечего! Или вы мне не все еще рассказали?

– Не совсем все! – побледнела Анфиса. – Есть юбка.

– Какая юбка?

– Моя юбка! – выкрикнула Анфиса.

– Что с ней, с юбкой? – Свистунов закатил глаза. Как же тяжело с бабами разговаривать!

– Давайте я объясню. Темно-синяя старая юбка, она принадлежала Анфисе, долго ее носила. Весь район видел.

– И что с юбкой-то наконец? – взъярился Аристарх Венедиктович и даже вытер пот со лба. Они что, издеваются над ним?

– В эту юбку, точнее в то, что от нее осталось, было завернуто туловище Остапа! – наконец-то объяснила Арина.

В кабинете наступила тишина, было слышно тяжелое дыхание и лязганье зубов Анфисы.

– То есть вы хотите сказать, что против Анфисы Семеновны есть главная улика – тело было завернуто в предмет ее гардероба. Я правильно вас понял? – переспросил Свистунов, снова вытирая пот со лба.

Обе дамы синхронно кивнули.

– Эту юбку мне при обыске показывали, спрашивали, видела ли я эту вещь раньше! На юбку она уже не похожа, так... кусок грязно-синей тряпки, – ответила Анфиса.

– И что вы им ответили?

– Я испугалась, – Анфиса закрыла глаза руками, – я сразу узнала, что это такое. Но я так испугалась, что побледнела сильно, это заметили следователи, но я твердо сказала, что я не знаю, что это за тряпка, я никогда раньше ее не видела.

– То есть вы обманули сыскных людей? – уточнил Свистунов.

Анфиса обреченно кивнула.

– Я испугалась.

– Так, ну это тоже ничего страшного. В крайнем случае

на суде вы можете сказать, что действительно юбку не узнали, мало ли какие тряпки вам подсовывают. Тело находилось в воде достаточно долго, все тряпки выцвели. Вы вполне могли и не узнать ее, – радостно сообщил Аристарх Венедиктович.

Анфиса печально кивнула и снова заерзала на кресле.

– Есть что-то еще? – сурово сдвинул сыщик брови.

Девушка вяло кивнула.

– Ну что еще? Почему вы нормально рассказать не можете? – взмолился Свистунов. – Что еще у вас нашли?

– Не у нас нашли, – тихо ответила девушка.

– Что еще?

– Топор, – резко ответила Арина Витальевна. – В конце сентября, за две недели до исчезновения Остапа, женщина, очень похожая на Фиску, покупала новый топор в скобяной лавке на соседней улице.

– Что значит очень похожая?

– Я точно не покупала, клянусь, мне топор не нужен. Но, по описаниям, на женщине был мой платок, мой тулуп. Следовательно мне не верит, сказал мне из дома никуда не уезжать, все равно найдут. Сейчас они разыскивают топор – орудие преступления, – а потом меня сразу же арестуют, и я на каторгу пойду! – зарыдала девушка, а Глафира снова заметила, какая же она была бы красавица, если бы приодеть ее иначе.

*Петроград. Октябрь 1923 г.
Городская Барачная больница*

– Тсс... товарищ, – поманила милиционера пальцем медсестра Любочка. – А правда, что этот... ну, тот, кого вы при-тащили, тоже того?

– В смысле, того? – тупо переспросил младший сержант.

– В смысле чокнутый. Наш пациент, – Люба кивнула головой на вывеску психиатрического отделения. – Здесь нормальных и нет почти. А тем более с Обводного нормальных не привозят.

– Почему это с Обводного нормальных не привозят? – снова глупейший вопрос от Ильина.

Любочка скривилась, поправила идеальную челку и, наклонившись к младшему сержанту, прошептала:

– Доктор Ефимов собирает данные на всех самоубийц с Обводного.

– И что? – Ильин сам себе поражался глупостью вопросов.

Любочка покачала головой и так же тихо ответила:

– Все чудом выжившие с Обводного говорят одно и то же!

– Ты опять про зеленый туман и русалок? – прыснул от смеха Саша, хотя сам, вспомнив про зеленый туман, про себя перекрестился. Не вживую же это делать – милиционеру и комсомольцу креститься? – Тьфу ты, глупость какая! Ты сама, может, того самого? – Закатил глаза к вывеске психи-

атрического отделения Саша, перейдя с симпатичной сестричкой на «ты».

– А вот и не того, – обиженно поджала губы девушка. – Ты с мое тут поработай, а потом кривиться будешь! Всех, кого опрашивал доктор Иван Данилович, рассказывают, что шли – как будто нечистая сила в них вселялась, что клубился зеленый туман над водой, а из воды или красивые девушки с зеленой кожей манили, или грозный старик с зеленоватой бородой тащил их вниз. И противиться этому наваждению было невозможно! – шепотом делилась сплетнями медсестра.

– Да чушь все это и враки, – пожившись, ответил Саша, хотя перед глазами стояло воспоминание о том тумане, который он видел своими собственными глазами.

– А вот и не враки, ты знаешь, сколько человек утонуло на этом месте в этом, двадцать третьем году? – серьезно спросила девушка.

Саша вспомнил слова капитана Спицына.

– По официальным данным, более семидесяти человек, – медленно протянул он.

– Вот именно, что по официальным данным, – закивала Люба. – А по неофициальным счет уже пошел на сотню с лишним!

– Да ну, да ты что! – опешил от такого заявления Ильин.

– А почему тогда вас, милицию, поставили дежурить на этом опасном участке? Ну, от Боровского-Андреевского мо-

ста до акведука? А? Я знаю, что там дежурства, и особенно ночные. Нет разве? – прищурившись, спросила Люба.

Младший сержант неуверенно кивнул.

– Но даже если и есть дежурства, это еще не значит, что убийцев русалки на дно утаскивают или этот... как его... водяной... – попытался захихикать парень, но это ему не удалось.

Люба посмотрела на младшего сержанта с неодобрением.

– Нет, это не водяной, точно. Это что-то другое, гораздо хуже.

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г. Сыскная полиция

– Казимир Евграфьевич, да она это, жинка его убила – точно я вам говорю, – капитан Железнов нетерпеливо прохаживался по кабинету начальника. – Анфиса Савицкая, урожденная Анфиса Марейко, она убила и расчленила на части своего супруга Остапа Савицкого, мелкого продавца упряжью.

Казимир Евграфьевич курил трубку и смотрел в грязное замызганное окно.

– Не очень похожа она на убийцу, Сема.

– Похожа-похожа. Развод по-русски называется: чтобы избавиться от детины, который постоянно пил, бил ее и детей, бабы и не на такое пойдут. Все свидетели говорят,

как худо Остап обращался с женой. Такой дрянной человек он был, пробы негде ставить на нем. Сам бы подох где-нибудь в глухом переулке скоро, а тут Савицкая грех на душу взяла, сама по этапу пойдет, – объяснял капитан.

– Семен Гаврилович, я много видел убийц на своем веку, в том числе и женского полу. Преступление всегда оставляет отпечаток на челе, а Анфиса эта на светлого ангела похожа, а не на душегубку, – покачал головой ротмистр.

– И ангелы убивают, если им крыльышки подрежут, – заявил Железнов. – Про юбку-то она нам соврала, мычит, что никогда ее в глаза не видела, а рядом доча ее ходит пятилетняя – в платьице, сделанном из точно такого же материала. Видать, когда юбку себе шила, и девочке платье сварганила, а тут бледная, вся трясется, но будто ничего не знает. Врет в глаза нам!

– Да, юбку эту на ней соседи видели, я читал твой рапорт. А топор где? Нашли орудие преступления?

– Да как найдешь-то? Он тоже, скорее всего, на дне Канавы покоится и не всплывет никогда. Концы в воду, как говорится, – почесал заросший щетиной подбородок Железнов. – Даже если докажем, что это она топор покупала, это ни о чем не говорит. Мало ли для какой цели бабе топор нужен – дрова рубить, октябрь на дворе же, – зябко поежился капитан. – Только и тут она отнекивается, не покупала, не была, не знаю, топора у нас дома нет. Только, кажись, опять Савицкая нам врет.

– А продавец скобяной лавки опознать Савицкую может? Как там его?

– Боголюбов Иван Иванович, – заглянул в свои документы Семен Гаврилович. – Ничего он не может, покупательница была в темном платке, заходила вечером, керосиновая лампа горела тускло. Лица дамы он не разглядел, но платок и тулупчик, по описаниям, на Савицкой вещи похожи.

– Негусто, с этим в суд не пойдешь, – забарабанил пальцами по столу ротмистр. – С Савицкой глаз не спускать, может уехать далеко, потом не достанем. А найди ты мне мясников с рынка, пусть посмотрят на останки Остапа, может, мясник орудовал, и спроси у них – такие удары могла хрупкая девушка учинить? У Анфисы Савицкой сколько живого веса? Она и курицу не прирежет! А тут мужик здоровый!

Семен Гаврилович важно кивнул.

– Все, идите работайте. Обо всех подробностях дела докладывать лично мне!

Капитан встал со стула.

– И еще постоянно проверяйте Обводный канал, чтобы там еще, не дай бог, никакой новый «чурбанчик» не всплыл.

**Петроград. Октябрь 1923 г.
Городская Барачная больница**

Через полчаса из кабинета Ефимова вышли бледный и

шатающийся Игнатий Семибогатов и довольно улыбающийся доктор Иван Данилович.

– Любочка, поставь, пожалуйста, печать на этом рецепте, – обратился психиатр к медсестре, мило беседующей с симпатичным милиционером, до сих пор не покинувшим стены негостеприимной больницы.

Любочка с улыбкой кивнула, передала бумаги пациенту.

– Игнатий Степанович, а мы с вами договорились? Я буду ждать вас в понедельник. Если будут какие-то боли, шумы в голове, странные сны или еще что подобное, сразу же звоните мне в любое время дня и ночи, – обратился Ефимов к пациенту.

Тот вымученно вздохнул, накинул плащ и наконец-то покинул больницу.

– Вы отпустили его, Иван Данилович? – тихонько поинтересовалась Люба.

– Конечно, отпустил. В психологическом плане Семибогатов здоров, ну, практически, конечно, здоров, нервы у него расшатаны. Но при сегодняшних обстоятельствах это неудивительно. Я провел все необходимые тесты, он не опасен для общества. Еще недельку за ним наблюдаю, но делать ему в нашем отделении точно нечего, – ответил доктор.

– А как же его галлюцинации? – влез в разговор младший сержант Ильин.

– Извините, молодой человек, а о каких галлюцинациях вы говорите? – ответил Иван Данилович, сердито взглянув

на болтливую Любочку. Девушка потупила голову, уткнувшись в чью-то медкарту.

Не желая подставлять медсестру, Александр с вызовом ответил:

– Пока мы добирались сюда, Игнатий Степанович рассказывал какие-то глупости!

– Например, какие? – спустил очки на кончик носа доктор.

– Например, про зеленый туман над водой! Здоровые люди могут его видеть? – Этот вопрос очень волновал самого младшего сержанта, а вдруг он тоже «уже того»? А вдруг это «того» заразно?

– Нет, конечно, психически здоровые люди галлюцинации не видят! – серьезно ответил психиатр. – Но можно принять во внимание стрессовое состояние товарища Семибогатова, в темноте в стрессовом состоянии, на секунду разминувшись со смертью, еще не такое привидится! Молодой человек, может быть, вы сами что-то видели в водах Обводного? – подозрительно прищурился врач.

– Я? Да нет! Вы что?! Нет, конечно! Я советский милиционер, некогда мне тут глупостями заниматься, мне вообще в отдел нужно, и так столько времени тут потерял, – неодобрительно взглянул он на Любочку, все еще копавшуюся в медкартах.

– Да-да, вы можете идти. Только понимаете, молодой человек, человеческий мозг – очень уникальный и странный

орган. Он содержит восемьдесят пять миллиардов нервных клеток, между которыми установлены бесчисленные связи. Мозг контролирует все, что происходит в нашем теле, от движений до переваривания пищи. И если мозг сдает или начинает заболевать, то в дальнейшем большие проблемы ждут весь организм человека.

– Под словом «заболевать» вы имеете в виду галлюцинации с зеленым туманом? – испуганно спросил Александр Ильин.

– Под словом «заболевать» я имею в виду болезни мозга, которые – не пугайтесь – нужно и можно лечить, – лукаво улыбнулся доктор.

– А галлюцинации можно вылечить?

– Можно вылечить то, что вызвало эти галлюцинации, хотя, скажу вам по секрету, за всю свою практику я ни разу не встречал галлюцинации, которые были заразны, которые бы переходили от одного пациента к другому.

– Но... – опешил Ильин, но доктор его перебил:

– Но зато я опросил много свидетелей и понял, что на дне Обводного канала что-то происходит такое, что не подвластно ни милиции, ни психиатрам!

*Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г.
Меблированные комнаты на реке Мойке*

– Ну что, Глашенька, обо всем этом деле думаешь? – Ари-

старх Венедиктович нетерпеливо нарезал круги возле большого обеденного стола. – И давай, не томи, накрывай скорее, – кивнул он на пустые тарелки.

– А как же ваш рацион здоровья? – ухмыльнулась Глаша. Она уже поняла, что на диете лучшего сыщика Санкт-Петербурга долго не удержишь.

– Ах, дорогая моя, ты же видишь – у меня новое расследование, мне нужно теперь хорошо питаться, чтобы нехватка витаминов не сказалась на моем аналитическом складе ума, – завязывая на объемной шее льняную салфетку, заявил сыщик Свистунов.

– Ну да, ну да, конечно. Манная кашка очень вредна для расследования, – захихикала служанка. – Но я сегодня постаралась, совместила и витамины, и здоровое питание. – Вот, угощайтесь, – поставила она тарелку на стол.

– Что это? – Свистунов со вздохом взялся за вилку,ковыряясь в непонятной субстанции светло-зеленого цвета.

– Как что? Это пюре из цветной капусты, сейчас морковные котлетки добавлю. Кушайте, все очень вкусно, нежно и тает во рту, – суежилась на кухне горничная.

– Спасибо, котлеток не надо, – скривился Свистунов. – А колбаски кровяной от завтрака не осталось? – с мольбой протянул он, даже не притронувшись к капусте.

– Нет, Аристарх Венедиктович, ни колбаски, ни ветчины, ни буженины нет, – развела руками горничная.

Заметив вытянувшееся лицо детектива, решила сме-

нить гнев на милость.

– Ну, если хотите, могу котлетки сметанкой полить, но не жирной, – подняла она палец вверх.

Аристарх Венедиктович быстро закивал.

– Тащи сметанку и расскажи наконец, что ты думаешь обо всей этой истории, – с аппетитом вонзил он зубы в горбушку хлеба, который Глафира не успела спрятать от хозяина.

– Вы имеете в виду дело о расчлененном трупе, о загубленной женской душе и ужасах Обводного канала? – Глафира присела на соседний стул, принялась вытирать салфеткой влажные вилки.

– Ой, скажешь тоже, Глашка, тебе бы романы писать... женские... – вполголоса хмыкнул Свистунов, за обе щеки уплетая морковные котлетки. Они действительно оказались выше всяких похвал. – Каким слогом научилась изъясняться, однако. Небось это мое благотворное влияние, – принялся расхваливать себя хозяин.

– Да-да, конечно же ваше, – неопределенно мотнула головой Глафира. – Так вот, мне действительно кажется, что Анфиса Семеновна не могла учинить такое гнусное дело – убийство и расчленение собственного супруга.

– Во-первых, Глашенька, ты знаешь, что надо делать, когда кажется. Во-вторых, твоя стряпня, в частности котлетки, намного лучше твоих детективных способностей, – нахально заметил Аристарх Венедиктович, поливая еще од-

ной порцией сметанки сочные котлеты.

– Вы, как всегда, правы, Аристарх Венедиктович, сегодня котлетки удались, ну, а насчет моих детективных способностей... – начала было горничная, но сыщик грубо ее перебил громким смехом.

– Ой, о чем ты говоришь! Какие твои способности – никогда бабе не быть детективом, тем более в Российской империи! – смеясь, заметил он.

– Но ведь именно я помогла вам во многих ваших расследованиях¹, – опешила Глафира.

– Это простые совпадения, твоя помощь была ничтожна, и без моего выдающегося детективного таланта ты бы никогда не справилась, – надулся Аристарх Венедиктович, он совсем не любил вспоминать роль горничной Глафиры в своих расследованиях. – Ты, Глашка, не обижайся, ты главное запомни, твоя задача – котлетки стряпать и на стол накрывать, до мужей с незаурядными умственными способностями тебе не дотянуться. Ишь чего надумала – расследования проводить! Горничная-детектив! Фигурики! Это моя работа! – доедая котлетку, ворчал Свистунов. – Итак, что ты думаешь об Анфисе и ее мертвом муже? Глафира, ау! Я тебя спрашиваю!

– Я ничего не думаю! Я иду борщи варить! – Глафира подскочила с места. – Не буду мешать вам в вашем расследо-

¹ Читайте об этом в книгах В. Лисовской «Путь к золоту Рюрика» и «Перстень русского дракона» (Издательство «ЭКСМО»).

ваниш! – И выскочила из столовой.

***Петроград. Октябрь 1923 г.
Семнадцатое отделение милиции***

Младший сержант Александр Ильин с тоской смотрел в окно, точнее на оконную раму, потрескавшуюся, с облупившейся старой серой – некогда белой – краской, но мысли его были далеко от рамы, от мухи, сонно жужжавшей между двумя рамами, – он постоянно прокручивал в голове разговор с психиатром Ефимовым.

Неужели он, младший сержант милиции, тоже страдает галлюцинациями? Неужели ему придется лечиться в психиатрическом отделении? Неужели его мозг начал давать сбои и теперь уж точно с мечтами о светлом будущем придется попрощаться? И надо ли ему все честно и правильно рассказать своим коллегам-милиционерам, товарищам, что работают рядом с ним, бок о бок? По-хорошему бы стоило все сообщить в рапорте майору Хвостову, а вдруг эта его болезнь мозга начнет прогрессировать, состояние ухудшаться, а потом галлюцинации будут проявляться в самых неподходящих ситуациях. А что, все может быть: вот бежит он за преступником, несется по пустынным улицам, перепрыгивает через заборы, а потом перед ним появляется красавица-русалка с зелеными волосами и мертвенно-бледными губами (к удивлению самого Александра, лицо чудо-русалки с Об-

водного очень уж сильно напоминало медсестричку Любочку)! Русалка манила его зеленым пальцем с длинными ногтями из воды и громко по-русалочьи смеялась!

– Ильин, это что это тут делается?! – громким басом прервал его мысли капитан Спицын. – Ты что, сержант, дрыхнешь, что ли? На службе? – гаркнул он.

Сашка очнулся от своих невеселых дум, он действительно практически заснул за столом, придумывая способ, как сообщить начальству о своих галлюцинациях.

– Никак нет, Георгий Палыч, я не сплю... Я задумался! Сильно задумался! – подскочил он с места, отдавая честь старшему по званию.

– Смотри у меня, Сашка, выгонят тебя в три шеи, я защищать не буду! Задумался он! Догадываюсь, о чем ты тут думаешь! – ухмыльнулся в пышные усы капитан.

Ильин удивленно воззрился на Георгия Палыча.

– Знаю-знаю, сам молодой был, – улыбался капитан. – Там, внизу, на проходной, тебя твоя зазноба ждет, спрашивала тебя. Красавица... ух!

– Какая еще зазноба?! Я не... – снова подскочил с места Ильин.

– Беги-беги, такая долго ждать не станет! Но, на будущее, пусть сюда часто не бегает! Не дело это!

Александр неопределенно кивнул, сам понесся на проходную, размышляя, какая же зазноба ожидает там его. Ни невесты, ни жены у него не было, близких подруг-красавиц, что

могли бы прийти к нему на службу, тоже не наблюдалось, потому он так опешил от удивления, когда заметил на проходной мающуюся от безделья и переступавшую с ноги на ногу медсестру Любочку, которая, завидев сержанта, пома-нила его пальцем. Про себя Ильин перекрестился, что палец был обычный – не зеленый, как из его сновидений.

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г. Меблированные комнаты на реке Мойке

Глафира как раз думывала посуду, оставшуюся после обеда, когда на кухню заглянул Аристарх Венедиктович. Лицо его было мрачное и немного сконфуженное. Если бы Глаша не знала хорошо своего хозяина, то даже подумала бы, что ему стыдно за утреннюю сцену.

– Глашенька, душенька, а ты чем занимаешься? – мило промолвил сыщик.

– Как вы видите, Аристарх Венедиктович, посуду мою, – подлила теплой воды в корыто горничная и принялась энергично намывать тарелку.

– А потом что делать будешь? – промурлыкал, как сытый кот, Свистунов.

– Потом планирую тесто для кулебяки приготовить! – недовольно ответила девушка.

– Ура! На ужин будет кулебяка, ты просто прелесть, милочка! – расцвел от счастья Аристарх Венедиктович. –

А я думал, ты меня все морковными котлетами кормить будешь!

– А начинка у кулебяки овощная будет! – не смогла сдержать злорадства Глаша, заметив, как вытянулась физиономия у същика.

– Ну, это несерьезно... – протянул он.

Немного помолчал, пожевал губами, наблюдая, как старательно Глаша намывает посуду, а потом споласкивает ее в глубоком корыте.

– Хорошо, решено – бросай эти глупости с овощными кулебяками, немедленно собирайся, поедешь со мной! – грозно бросил он.

– Куда это? – встряхнула мокрой челкой девушка.

– Туда это, на Обводный, на Канаву. Нужно ознакомиться с местом преступления, или ты забыла, милочка, что у меня новые клиенты нарисовались!

– Так это у вас клиенты. Я тут при чем? – не поднимая головы от корыта, промолвила Глаша. – И дел у меня много, и бабам не место в расследованиях, пусть ученые мужи этим занимаются! – сердито ответила она.

– Ты что, обиделась? Нашла тоже время! Обижаться! Бабская придурь, ей-богу! – проворчал Свистунов. – Вообще-то я твой хозяин, и если я приказываю, то ты должна меня слушаться!

– Вы мой хозяин, я вас слушаюсь, но я ваша горничная, а не помощник в детективных делах! – с вызовом ответила

она, глаза ее при этом яростно блестели, так что от такого напора Свистунов даже опешил.

– Ах так, бунтуешь! Революции захотела, это же... это же... как там его... Невероятно! Нонсенс какой! – Свистунов принялся ходить по кухне кругами, ругаясь на прислугу, которая, казалось бы, совсем не замечает его.

– Это невероятно! – ехидно ответила горничная. – Это невероятно: горничная-детектив, да еще в Российской империи! – передразнила она хозяина. – Извините, мне некогда, мне еще полы надо мыть и ваши стючук зашить, таковы мои обязанности. – С громким шумом она вылила ковшик в корыто с посудой.

– Значит, обижаешься, ну-ну! – сердито воскликнул Свистунов. – И что ты от меня хочешь? Вместо меня все дела расследовать?

– Хм... – громко рассмеялась Глаша. – А раньше кто же всем этим занимался?²

– Так это невероятно, подумаете, немного помогла, так что же, всю жизнь гордиться будешь и нос задирать? Давай не дури, иди собирайся, поедем на Обводный.

– Хорошо, я поеду, но и слова вам не скажу о расследовании. Считайте, что берете с собой безмолвный стол, стул или саквояж, – высоко задрав голову, Глафира удалилась с кухни. Этот раунд она выиграла.

² Читайте об этом в книгах В. Лисовской «Путь к золоту Рюрика» и «Перстень русского дракона» (Издательство «ЭКСМО»).

*Петроград. Октябрь 1923 г.
Семнадцатое отделение милиции*

– Любочка, ты что тут делаешь? – недовольно подскочил Саша к девушке, сучавшей на проходной.

Дежурный Шелехов уже красноречиво усмехался в свои пышные усы, загадочно поглядывая на девушку.

– Александр, добрый день. Я к вам по делу, это очень важно, – затараторила медсестричка, вцепившись в локоток симпатичного милиционера.

– По какому еще делу? У меня нет с вами дел! – уже громче зашептал на ухо Ильин.

Шелехов всю потешался, решив, что присутствует при ссоре двух влюбленных.

– Люди гибнут, мы должны их спасти! Без вас я никак не справлюсь! – зачастила Любочка, практически прижавшись губами к уху младшего сержанта.

Ильин громко фыркнул, оторвал от себя девушку и потащил ее на выход, чтобы поговорить подальше от хихикающего Шелехова.

– Гражданка Крылова Любовь Николаевна, что вы себе позволяете? Что за бред вы несете? Какие люди? Где гибнут? Вы в своей психушке, что ли, подобного понабрались?

Люба сердито взглянула на парня:

– Да вы что? Я к вам за помощью, в милицию, а вы меня

оскорбляете! – надулась она.

Ильин почесал подбородок, понял, что немного перегнул палку, очень уж ему не понравилось зубоскальство Шелехова, главного сплетника отдела.

– Хорошо, извините еще раз. Любовь Николаевна, что у вас случилось? Объясните.

– Мы же на «ты», можно просто Любочка! – ласково улыбнулась девушка.

– Хорошо, Любочка, – стиснул зубы от недовольства Ильин, – что у тебя, Любочка, случилось, кто и где гибнет?

– Люди гибнут, на Обводном гибнут, сегодня к нам в больницу двух деток привезли, пяти и семи лет, мать на их глазах с Боровского моста сиганула, – начала рассказывать девушка.

– Ну, мало ли самоубийц в Петрограде, сейчас время такое беспокойное. Может, мать не выдержала бедности, может, проблемы какие в семье. В чем дело-то? – попытался подключить аналитические способности милиционер.

– Нет, как раз таки нет. Семья благополучная, отец у них хорошую должность имеет, жена молодая, красивая, в детках души оба не чаяли. Не стала бы такая с моста прыгать, особенно когда от доктора зубного домой шли. Сначала зуб вылечила, а потом убиться захотела? Нет, не подходит.

– Да, сейчас такие зубные, лучше перед визитом убиваться, – кивнул милиционер. – А что ты от меня хочешь? Дети же не сироты, отец у них остался, это не по нашей части дело.

– Я что хочу, детки зеленый туман над водой видали, когда мать убилась, а старший вообще слышал голос странный, что вел его к воде этой. Страсть-то какая! – прижала руки к пылающим щекам девушка.

– Это тебе доктор Ефимов рассказал?

– Нет, мне сами детишки сообщили, когда я их чаем отпаивала в приемном покое, пока они отца ждали, я их успокаивала, – покачала черноволосой головой Люба.

– Да, дела, опять зеленый туман, – про себя отметил Александр.

– Да, опять туман, и я уверена, что только ты мне поверишь, ведь ты сам что-то странное видел в тот день, когда Семибогатова с моста снимал!

– Да нет, с чего ты взяла?! Я ничего не видел! Такого... – попытался оправдаться Саша, но по его бегающему взгляду было понятно, что он чего-то недоговаривает.

– Мне можешь не врать, я же знаю, – покачала головой Любочка.

– Ну а что ты предлагаешь делать? Я советский милиционер, я не могу русалок и водяных ловить! На мосту стоят дежурные, пытаются предупредить самоубийства некоторых, – уточнил Саша.

– Вот именно, что некоторых, но не всех! Всех не могут спасти! – упрямылась Крылова.

– А как их всех-то спасешь? В воде сидеть – чертей искать?! – кипятился младший сержант, упрямство медсест-

рички его раздражало.

– Нет, в воде тоже не выйдет, нужно разобраться, с чем мы имеем дело и что это такое людей в воду затягивает. А тут мне как раз ты понадобишься, милицейские погоны откруивают многие двери, – улыбнулась девушка.

– А почему ты Ивана Даниловича своего не попросишь? Он в эту чертовщину точно верит!

– Он верит в свою докторскую, он для нее собирает свидетельства очевидцев. Доктор Ефимов нам тоже поможет, но позже. А сейчас поехали на место, я тебе кое-что покажу! – ласково улыбалась Люба.

– Куда поедем?

– На Обводный, конечно!

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г. Набережная Обводного канала

Пролетка подвезла их до Ямского переуллка, а дальше заросший черной косматой бородой кучер отказался ехать, даже за золотой, который щедро посулил ему Аристарх Венедиктович.

– Извиняйте, барин. Не поеду дале. Тут места такие, что и меня, и повозку, и лошадь – все заберут, окаяннные. И за ваш золотой точно прирежут, – тряс он бородой.

– Но как же мы дальше пойдём? Пешком, что ли, прикажете? Шутить изволите? – гневался Свистунов.

– Барин, хоть режьте меня, не поеду. И вам не советую, тем паче с барышней! – стоял на своем кучер.

Барышня, до этого времени молча взиравшая на эту словесную перепалку, подала голос:

– Так в Ямских переулках ваша извозичья братия и обитает? Вы неужели своих же опасаетесь? – спросила девушка.

– Так точно, барышня, я очень хорошо эти переулки знаю, потому не хочу дальше ехать, – сердито ответил кучер.

Ругаясь вполголоса, Аристарх Венедиктович все-таки вылез из пролетки, с трудом вытаскивая внушительные телега из тесной кибитки, Глафира легко и грациозно, как птичка, выпорхнула следом.

Кучер уехал, а они оказались одни посреди серой и грязной дороги, вокруг стояли такие же серые и невзрачные дома-баракы, сам вид которых навевал неприятные мысли.

– Ничего себе, никогда бы не подумала, что в Санкт-Петербурге существуют и такие вот жилища, – рассматривая грязную, облупившуюся краску на стене, заявила Глаша.

– Эх, Глашенька, ты совсем наш город не знаешь, – проворчал про себя същик Свистунов, стараясь переступить через зловонную лужу на дороге.

– Здесь я точно никогда не была, да и не собираюсь, – ответила Глафира, подобрав длинную юбку, перешагивая через нечистоты прямо посреди тротуара. – Да уж. Красота какая! – скорчила она носик.

Аристарх Венедиктович неопределенно кивнул и поспешил дальше, девушке пришлось догонять его.

– Аристарх Венедиктович, а вы откуда так хорошо дорогу знаете, вы бывали здесь раньше, вы знаете, как можно дойти до Обводного? – через пару минут поразила Глаша, наблюдая, как уверенно сыщик Свистунов движется в хитросплетениях Ямского переулка.

– А ты еще не догадалась, мисс детектив? – иронично ответил Свистунов.

Глаша отрицательно замотала головой.

– А ты подключи свои чувства, закрой глаза и главное – почувствуй! – ухмыльнулся сыщик.

Глафира так и сделала, прямо посреди дороги она остановилась и закрыла глаза.

– Ну и что ты чувствуешь? – въедливый голос хозяина проник прямо в мозг.

– Ничего я не чувствую, – огрызнулась горничная. Видно, в этом случае хозяин действительно обошел ее.

– Да неужели? Совсем ничего?

– Я чувствую только зловонный запах и ничего более, – недовольно ответила Глаша, закрывая нос. Воняло тут знатно!

– Вот именно, правильно! Раз чувствуешь зловонный запах – мы на правильном пути. Когда вонь станет совсем уж нестерпимая, мы как раз и дойдем до Канавы! – развеселился Аристарх Венедиктович.

– Что? – удивленно открыла глаза Глафира.

– Ну да, конечно. Неужели ты не знакома с такой петербургской достопримечательностью, как Обводная Канавка! И запах тут соответствующий, и люди тоже под стать ему! – уже потише сообщил сыщик Свистунов, разглядывая двух молодчиков, которые неспешной походкой направлялись в их сторону.

– Смотри, Якорь, какие тут господа прогуливаются! – беззубым ртом прошамкал рослый детина с глупыми белесыми глазами.

– Точно, Лешай, какая удача! – ухмылялся рыжий и веснушчатый напарник. – Эй, мюсье, вы тут адресочком ошиблись! А тут и барышня, гля, какая краля!

Свистунов с напряжением разглядывал шпану.

– А что же вы не здороваетесь, ваше благородь? – не вынимая папиросы, спросил Лешай.

– Молодые люди, мы идем по своим делам, прошу нас не задерживать! – важно обратился к ним Аристарх Венедиктович.

– А тебя, толстый, и не спрашивали. Мы, может, хотим с барышней познакомиться! – развязной походкой приблизился к ним Якорь.

Глафира остановилась, разглядывая хулиганов.

– А барышня не будет с вами знакомиться, пойдём, Глафира! – потянул девушку за руку Свистунов.

– Толстый, не влезай, а то получишь! – хмуρο пригрозил

сыщичку Лешай.

– Мне кажется, барышня очень мечтает с нами подружиться! Да, краля?! – приблизился к лукаво улыбающейся Глафире Якорь.

Та стояла на месте, мило улыбаясь хулиганам.

– Уважаемые, нам действительно пора! Прощевайте, дружки! – При этих словах Глаша молниеносным движением достала из прически длинную острую шпильку и со всей силы воткнула ее в кисть руки Якоря, который как раз пытался приобнять барышню.

Хулиган завопил от боли, прижимая к себе окровавленную конечность и матерясь на весь свет.

Его подельник Лешай, подслеповато щурясь в приближающихся сумерках, сначала и не понял, что произошло с его дружком.

– Якорь, ты чаво это? – подбежал он к подельнику.

– Хозяин, бежим быстро. – Глафира по дороге сделала грациозную подножку рыжему хулигану, и тот кулем свалился в вонючую лужу на дороге. – Бегом! – снова скомандовала Глаша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.